

Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!

Автор:

[Ирмата Арьяр](#)

Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!

Ирмата Арьяр

Тирра #1

Юная Тиррина бежит из-под венца, не желая становиться игрушкой в руках опекуна и очередной жертвой жениха, графа Дэйтара. Личность последнего внушает девушке ужас: псих, некромант и чернокнижник, таинственный Черный Ворон его величества сгубил уже трех невест. И Тирра совсем не хочет проверить на себе, окажется ли она удачливее предшественниц. Будь ее воля – она сбежала бы не только из-под венца, но и из мира. Ведь на самом деле она – земная девчонка, студентка иняза Тамара Коршунова. Но для того, чтобы вернуться домой, нужно понять, какие силы и с какой целью играют ее душой.

Ирмата Арьяр

Тирра. Невеста на удачу, или Попаданка против!

Глава 1

Беглая невеста

– Тир-рра! – Оглушительный мужской рев сотряс стены дома.

Боже, боже!

Сняв туфли и еле удерживая их в руке, я почти скатилась по лестнице, едва не свернув себе шею.

– Стоять! – рывкнуло позади, всего лишь этажом выше. И гроыхнуло. Очень сильно гроыхнуло. И запахло паленым.

Боже, он сейчас меня убьет! Точно убьет!

От ужаса я выронила одну туфлю. Возвращаться не стала, перехватила за носок вторую – сойдет за молоток. Буду драться.

Светлые небеса, я с ума сошла! С ним?

Придерживая одной рукой подол платья, я летела по коридору, попутно цепляя каблуком обуви, как крючком, рыцарские доспехи и высокие вазы и роняя их на пол. Преследователю хоть какое-то препятствие. Судя по ругательствам – существенное.

Бам-с, бум-с, брям-с... Погибать, так с музыкой!

Завернула за угол. Вот и дверь бокового входа замаячила впереди светлым прямоугольником. Приоткрытая. Спасибо, Небо! Никто не успел захлопнуть дверь за последние полчаса, прошедшие с тех пор, как я ее собственноручно открыла. Замечательная планировка у дома – со всех четырех сторон есть выходы. Парадный, задний для челяди и кухонных нужд и два крыльца с торцов – в сад и к конюшням. Я бежала к выходу в сад.

– Тир-ррра! Стой, дрянь! – рычало уже совсем близко.

Не успею. Жаль.

Размахнувшись, я со всей силы швырнула туфлю во входную дверь и одновременно уронила бронзовую стойку для зонтов с торчащей оттуда метлой. Она очень удачно снесла пятирожковую вешалку и создала баррикаду. Треск дерева и лязг металла заглушил стук каблука о дверное полотно.

Дверь от удара распахнулась настезь, туфелька осталась лежать на крыльце, а я юркнула в неприметную дверку гостевого гардероба, тихо прикрыла ее за собой и зажала обеими руками рот, чтобы хоть как-то заглушить шумное дыхание. Не дура же я, чтобы в свадебном платье по саду бегать, тут же в ветках юбками запутаюсь. Мне и лестниц с коридорами хватило. Сказывалось долгое отсутствие тренировок – сердце выпрыгивало, в глазах темнело.

Бег преследователя оборвался у самой двери.

– Тирра! Проклятье! Мерзавка!

Ругань, лязг и треск – это он баррикаду расшвыривал. Потом раздался удаляющийся грохот сапог. Спасибо, Светлые Небеса, спасибо!

Во двор выскочил. А там есть где мне теоретически спрятаться: кусты, беседки.

Колодец для полива.

Может, я утопиться решила с горя. Могу ведь? Запросто. Вчера так всем и заявила, когда истерику закатывала за ужином: «Утоплюсь, а замуж за это чудовище не пойду! Сами идите, если надо!».

– Ти-ир-рра! – Еще один вопль снаружи. По саду бегают. – Вернись немедленно, все равно найду! Хуже будет!

Ага, ага. Жди.

Я вытащила из изящного кружевного кошелька, привязанного к поясу, украденный утром ключ (чтобы никто не закрыл мой запасной вариант бегства), осторожно повернула в замке и тут же вынула, чтобы в замочной скважине не торчал. Не дураки тут живут. Мерзавцы, негодяи, деспоты, но не дураки.

Потому других способов избавиться от них не было, кроме сумасшедшего.

И пока все шло удачно.

Никто не догадается искать меня тут. Гостевая гардеробная летом – самая бесполезная комната в доме. Разве что зонты сушить пригодится да ковры сюда сносят и складывают, чтобы выбить пыль. В остальное время года слуги уносят сюда плащи, шубы и капоры наших бесчисленных гостей. Когда мой опекун барон Гинбис и его престарелая мамаша дают званые ужины, к нам съезжается весь высший свет.

На мои деньги едят и пьют, сволочи. Ну, как на мои... на деньги Тиррины Барренс, единственной наследницы погибшего графа Ларса Барренса и его жены. Их дети погибли в той же катастрофе. Все.

Кроме Тиррины.

После катастрофы пятнадцатилетняя Тирра потеряла прежнюю красоту, память и магию. Бедняжка уже не могла обучаться в закрытой магической Школе Ока и ее отчислили, а единственные дальние родственники быстренько закогтили богатую, но больную и слегка помешанную сироту, выхлопотали у короля опеку и вселились в столичный дом покойного графа Барренса.

И никто не знал, что и средняя дочь Тиррина погибла вместе с родителями. А в ее теле немислимим образом оказалась я, Тамара Коршунова, дочь преуспевающего бизнесмена и студентка второго курса инфака.

Я до сих пор не могу вспомнить ничего, что произошло со мной на Земле и поспособствовало перемещению. Ни единой зацепки. Помню только, что я спала дома, в своей постели, и проснулась, чтобы пойти в туалет, открыла дверь своей комнаты... и оказалась в лечебнице другого мира.

Год я прожила прикованной к постели в чужом искаленном теле и думала, что свихнусь или сдохну.

Выжила.

Научилась притворяться. Молчать. Ненавидеть. Запоминать.

Благодаря развитой памяти и умению заучивать полсотни слов в день, я и освоила так быстро местный язык. Хуже оказалось с терминами чужих реалий, культурой и этикетом, но никто не требовал прежнего блестящего ума от девушки, чудом уцелевшей и потерявшей память после страшного магического удара и пожара в фамильном особняке. Потеря памяти – удобнейшая отмазка на все случаи жизни во всех мирах.

Но не панацея от всех бед, главной из которых оказалась семейка Гинбисов.

– Тирра! – разорвался барон в моем саду.

Сердце колотилось в груди так сильно, что впору опасаться перелома ребер изнутри. Боже, какие глупости в голову полезли! Значит, все в порядке, можно расслабиться, и мозг первым сигнализирует, что опасность миновала. Два-три часа самозаточения в пыльном карцере, и я свободна.

Бракосочетание отменят. Не будет же столько часов ждать невесту жених и приглашенные высокие гости.

Я прислушалась. С улицы доносился гвалт, по коридору пробежал еще кто-то.

– Что происходит, Ирвин? – Визгливый голос старой баронессы разносился из фойе на весь дом. – Где эта дрянь? Мы уже заждались!

Это чудо, что все – и носатая гувернантка, и баронесса с компаньонками – ждали меня у парадного входа, и все любопытствующие слуги там же собрались. А я, улучив момент, когда все домочадцы вышли проводить невесту, сделала вид, что забыла маменькин фамильный кулон и поднялась к себе. А там ринулась к лестнице в сад.

Если бы не мерзкий опекун, получилось бы сбежать.

Да и сейчас церемония считай сорвана.

Не повезут же меня выдавать замуж такую растрепанную, босую, в разодранном платье. Проще признать, что невеста сошла с ума или слегла в горячке от

счастья, все меньше позора семейству.

Представляю, какие сплетни поползут. И предвкушаю, как будет бледнеть и кривиться старая баронесса.

Паучиха.

Это ее мечта – если не убить, то ограбить и как можно выгоднее продать троюродную племянницу. Хотя какая я ей племянница?

Я – Тамара Коршунова, три года назад я попала в тело пятнадцатилетней дочери графа Барренса. Это надо помнить.

Я выдохнула, страх и азарт медленно отпускали меня. По виску стекала капелька пота.

Жарко. А я дева нежная, мне в обморок полагается падать, а не гонки с опекуном устраивать. Хорошо, окно приоткрыто, даже решетка поднята.

– Где эта мерзавка малолетняя? – зычно орал мой опекун. – Найдите мне ее! Она не могла никуда ни убежать, ни спрятаться! Не в колодец же бросилось это отродье гварки. Проверьте колодец!

– Лестницу! Лестницу несите! – раздался вопль. Только у нашего садовника такая луженая глотка.

Я улыбнулась. Кроме горничной Лисси еще старый садовник Бер посвящен в мой план и затянет поиски как можно дольше. Наверняка ни одной пригодной лестницы в хозяйстве не найдется.

А в колодце простыня белая должна плавать, свадебное платье утопленницы изображать. Час назад горничная туда бросила и шелковую простыню, и большой лоскут тюля. Даже если простыня утонула, клочок тюля вполне сойдет за фату. Барон, конечно, горничную допросить может, но Лисси – кремень. Не предаст. Она уже три года меня жалеет и покрывает, с тех пор как родители Тиррины погибли и сорокалетний вдовец, барон Гинбис, назначен королевским указом моим опекуном.

Он бы и сам на мне женился из-за приданого, если бы не прямой запрет местного короля. Дай Небо его величеству долгих лет и здоровья!

Я с наслаждением опустила прямо на пол, вытянула ноющие от бега ноги, поправила роскошные, кое-где порванные кружева платья. Пусть мнутся и пачкаются в пыли. Пусть. Не жалко. На мое наследство куплены. Гинбисам меньше достанется.

Когда я по привычке расправляла складки, залюбовалась помолвочным кольцом, переданным мне вчера от жениха. Огромный и баснословно дорогой бриллиант так ярко сверкнул в луче солнца, что я перепугалась, как бы кто снаружи не заметил. Повернула перстень камнем вниз. Очень неудобно, но потерплю.

Даже страшно представить, каким был бы камень на венчальном кольце. С куриное яйцо? Хорошо, что я этого не увижу.

Как и самого жениха.

О предстоящей свадьбе я узнала вчера за обедом.

– Дорогая, с днем рождения. А у нас для тебя подарок! – ехидно улыбнулась баронесса, делая знак сыну. – Ирвин, сыночек, вручи ей.

Гинбисы никогда ничего мне не дарили за три года, потому я напряглась. И не зря. Опекун поднялся из-за стола и положил передо мной коробочку и лист гербовой бумаги.

– Сегодня тебе исполнилось восемнадцать, Тиррина, – с некоторой даже торжественностью сообщил он. – Ты вошла в брачный возраст и завтра выходишь замуж.

И навис за плечом, огромный, как медведь. Он ужасал размерами и непропорционально маленькой головой с лысым черепом и выдвинутой вперед челюстью с мощным подбородком. На человека он походил столь мало, что бродили слухи, будто графиня изменяла мужу с гобри, как называлось племя «скальных людей», из которых обычно нанимали охрану для устрашения

грабителей. Только у нищих Гинбисов нечего было грабить, пока Ирвин не стал моим опекуном.

– Как – замуж? – Сердце упало в пятки. – Уже? За кого?

– О, это блестящая партия для такой невоспитанной уродливой дикарки! – оскалилась старуха, сидевшая напротив меня за столом.

За три года можно было бы привыкнуть к тому, что она каждый день пытается втоптать меня в грязь по любому поводу, но самый излюбленный ее конек – мое «уродство». Ослепительная Тиррина, уже в пятнадцать лет считавшаяся чуть ли не первой красавицей королевства, после пожара получила такие ожоги, что все ее завистницы теперь злорадно ухмылялись.

За три года магического лечения на теле не осталось почти никаких следов, хотя, как мне рассказывала Лисси, моя кожа еще не вернула былое сияние и нежность.

Светлое Небо, о каком сиянии мечтать, если не исчезло главное – необычный след на лице, не сводимый никакой магией! Именно из-за этого ожога каждая престарелая тварь шипела о моем уродстве.

Их бы в наш мир отправить всех скопом, прямиком в салон тату. Тогда бы они поняли, что красота – это всего лишь мода. Мне, Тамаре Коршуновой, охряный след странного ожога даже нравился.

Больше всего он походил на изящную татуировку невиданного хищного цветка-спрута. Необычный «вьюнок» с зазубренными остроконечными листьями-щупальцами уселся на правом виске и пустил жадные щупальца к брови и на скулу.

Правда, никто, кроме меня, не узнавал в ожоге растение, а видели лишь безобразное, как спрут, пятно. Горничная Лисси говорила, что иногда ей кажется, будто «щупальца» шевелятся, и это вгоняло ее в такой страх, что девушка роняла расческу.

«Вьюнок» жил своей жизнью. Иногда ожог невыносимо зудел, чуть-чуть подрастал или, наоборот, уменьшался в размерах. Иногда кожу на правом виске стягивало холодом или обдавало жаром. Рисунок веточек слегка менялся, выползал то на лоб, то на скулу. И это пугало – не хотелось, чтобы лицо превратилось в подобие карнавальной маски.

Целители только руками разводили – никогда с таким не сталкивались. И как избавиться от устрашающего украшения, которым не пристало щеголять благородным девицам, не знали. Единственное, что они могли рекомендовать, – носить маску. Они бы еще паранджу мне предложили!

Я не прятала ожог, а всячески демонстрировала и требовала у Лисси, чтобы она мне забирала волосы в пучок.

– Мой ожог не уродливее, чем ваши морщины, тетушка, – парировала я. – А что до воспитания, то мне просто не с кого брать пример за этим столом.

– Тварь! – взвизгнула баронесса.

Потеряв к ней интерес, я повернулась к опекуну. Всегда садилась за стол так, чтобы этому безмозглому шкафу портил аппетит мой «вьюнок».

– Я задала вопрос, на него никто не ответил. За кого вы выдаете меня замуж, братец? Какой дурак позарился на «уродливую невоспитанную дикарку»? Надеюсь, он достаточно богат и знатен?

По квадратной морде Ирвина поползла не просто злорадная, а какая-то плотоядная усмешка.

– Не беспокойся, сестрица. И богат, и знатен. Так богат, что ему чихать на твое приданое. Наследство графа Барренса останется под моим управлением до твоего совершеннолетия, а это еще три года, дорогая. Примерь колечко.

Опекун раскрыл коробочку, и алмазные блики, казалось, осветили всю столовую. Баронесса алчно всхлипнула и подалась вперед, челюсть ее задрожала, а в хриплом стоне прозвучало неподдельное сладострастие:

– О-о-о!

– Не похоже, что бриллиант настоящий, – с подозрением прищурилась я. Такими огромными в моем представлении могли быть только дешевки-фианиты в вульгарных подделках.

– У камня есть магический сертификат, – обиделся опекун, словно сам выбирал это ужасное кольцо, и даже продемонстрировал бирку, которая переливалась маленькой радугой.

Я залюбовалась биркой больше, чем помолвочным кольцом. Сколько живу в этом мире, все не могу привыкнуть к маленьким чудесам. Да и где мне привыкать? Сначала больница, потом затворничество в особняке...

– Примерь, – щедро предложил опекун, а глаза подозрительно сощурились.

– Ну а имя и родословная у жениха есть? – Я отдернула руки и спрятала их за спиной.

– Есть. – Ирвин поморщился, как от зубной боли. – Тебе оказал честь предложением руки и... э-э-э...

– Сердца, – подсказала баронесса.

– Терпеть не могу ливер, – пробормотала я, заслужив ее гневный взгляд.

– Руки... – запутался барон. – Уймитесь, женщины! Тирра, ты выходишь замуж за графа Орияра.

В правый висок словно впилось ядовитое жало – такая боль пронзила голову. В глазах помутилось. Я ухватилась за край стола, чтобы не упасть.

– За какого еще Орияра?

– Она же у нас больная на голову, Ирви, – проскрипела старуха. – Не помнить знатнейшую фамилию королевства – это уму непостижимо! Таковую же древнюю, как королевская! Граф Дэйтар Орияр...

- Подождите! - Я прижала ладонь к взорвавшемуся пульсирующей болью виску.

Обрывки чужой памяти вспыхивали как оглушительные и ослепительные фейерверки. Граф Дэйтар Орияр. Маг. Владелец Черного Ока. Некромант.

Некромант! Боже, боже!

И что-то еще... Что-то такое, от чего сердце разрывается от ужаса и обреченного отчаяния. Орияры - Черные Вороны, сидящие на спинке трона. Тайные убийцы, охраняющие спину короля от тварей Изнанки. Ловцы, судьи и палачи в одном лице.

И еще словно кто-то пытался прорваться сквозь царивший в голове гул и сказать что-то важное. И не мог.

Каркала баронесса:

- Дэйтарrrr! Оррияrrr! Гррраф! Как можно не знать Воррона Корроля?!

Каркал барон:

- Брачный договорр!

Кружились стайкой черные точки в глазах.

- Что? Какой договор?

Опекун, больно сжав предплечье, схватил мою руку, вложил в пальцы перо и подвинул пергамент.

- Брачный договор! Подписывай!

- Почему Орияр? - выдавила я.

- Приказ короля, - припечатал Ирвин.

И ловко прикрыл салфеткой убористый текст листа, оставив только узкую полоску в самом низу для подписи.

Я не пыталась вырвать руку, бесполезно. С его силищей тролля он и сломает – не заметит. Просто разжала пальцы, и перо выпало, испачкав кляксой драгоценный, из тончайшей тисненой кожи документ.

Барон процедил сквозь зубы:

– Дура. Я хотел как лучше. По закону твоей подписи и не требуется, но твой женишок возжелал удостовериться, что невеста ознакомлена.

– Я не ознакомлена.

– И не надо. Не твоего ущербного ума это дело. Уж я твоей, а значит, моей выгоды не упущу, – ухмыльнулся мой мучитель и, взяв серебряный нож, которым я еще не успела воспользоваться, провел острием по моему пальцу.

– Ай! – заорала я, пытаюсь вырвать несчастную конечность.

Старуха, вытянув шею, чтобы получше видеть происходящее, облизнулась. Людоеды!

Опекун размазал по подушечке моего пальца выступившую капельку крови и быстро прижал к документу. Оттиск вспыхнул алым огоньком и намертво впаялся в пергамент, даже рельеф проступил.

– Вот и все. – Отпустив меня, барон свернул проклятый договор в рулон и спрятал за пазуху. – Магическое освидетельствование пройдено, твое согласие принято, королевская канцелярия, считай, оповещена.

В принципе, моего согласия по закону и не требовалось в брачном договоре, тогда зачем оно? Какой документ меня заставили подписать? По алчному и торжествующему взгляду баронессы я поняла: для меня все очень плохо. Ограблена и продана.

– Я не согласна! – с ненавистью прошипела я, потирая ноющую руку. – Я против замужества, кандидатуры Орияра и... и...

И вообще, против всего этого странного мира. Домой хочу. Господи, как же я хочу домой!

– Поздно, сестрица, – радовался троюродный брат Тиррины. – Вечером доставят свадебное платье и прочую дребедень. Сам король взял на себя расходы.

– С чего бы это?

– Иногда твоя потеря памяти только во благо, – хихикнула баронесса.

Мать с сыном переглянулись и промолчали, мерзко усмехнувшись. А мой правый висок опять обожгло: татуировка пошевелилась. Меня замутило; такое ощущение, что «вьюнок» пытался прорасти вглубь, прямо в мозг. Отвратительнейшее ощущение. И от шепота, прозвучавшего в голове, я уловила только одно слово: «Опасно!» Как будто я и без того не знаю, что опасно.

Каждый мой день за три года в этом мире – хождение по краю лезвия.

Родственнички с радостью убили бы меня, чтобы завладеть моим состоянием, или заперли в лечебнице для душевнобольных, но отец Тиррины оказался предусмотрительным: в этом случае наследство перейдет королю или больнице, и моих денег этой семейке никогда не видать. О, если бы граф еще догадался назначить Тирре в завещании нормального опекуна!

Моя единственная надежда была – сбежать и подать прошение королю. Оно еще ночью написано, омочено слезами и спрятано под корсетом. Остается добраться до дворца, а в этом мне Бер и Лисси помогут. Но как быть, если сам король выступил в роли свата? Зачем ему женить графа Орияра, одного из самых приближенных к трону сановников и магов, на лишенной магии, изуродованной девчонке? Других невест не нашлось?

Какое-то смутное воспоминание пыталось достучаться до моего возбужденного ума. Чужое воспоминание.

Только вечером, когда уже было примерено и унесено для подгонки изысканное свадебное платье, я сумела расспросить Лисси о женихе.

И мои мрачные предчувствия оправдались.

– Какой ужас! – воскликнула горничная, перестилавшая в этот момент мою постель. – Только не граф Орияр!

– Почему? Он стар? Уродлив?

– А вы совсем ничего не помните?

Я бросила на ее отражение гневный взгляд, сидя у зеркала, где тренировалась в искусстве гримирования, рисуя себе куда более ужасные ожоги, чем вполне симпатичный «вьюнок». Если бы помнила, разве спрашивала бы?

– Он не стар, миледи. Ему двадцать четыре всего лишь. Осенью исполнится двадцать пять. Ваши отцы были дружны, и молодой Дэйтар, тогда еще виконт, часто бывал в вашем доме и тут, в столице, и в поместье. И вы всей семьей, бывало, гостили в доме Орияров. Мы, слуги, тоже знакомы были между собой. Жаль, что вы ничего не помните.

У Лисси привычно выступили слезы на красивых карих глазах. Она всегда плакала, вспоминая тот день, когда погибла семья ее хозяев, а сама она чудом уцелела – лишь потому, что накануне ей дали выходные из-за болезни ее тетушки. Я вздохнула. Плакать у меня не получалось, а вот тосковать по родителям, подругам и потерянному комфортному и безопасному миру... Взволнованная Лисси промокнула глаза уголком наволочки, ойкнула и, бросив на меня виноватый взгляд, помчалась за свежим бельем.

Вернулась она очень быстро и, едва переведя дух, продолжала:

– Очень уж крепко они дружили, всем на удивление. Никто не мог понять, что связывает Черного Ворона его величества и вашего батюшку, очень уж они разные были. Они даже сговорились породниться: женить виконта на вашей старшей сестре, когда леди Даиссия и лорд Дэйтар достигнут брачного возраста, а виконт закончит эту вашу магическую школу и будет инициирован

как маг. Ровно за год до катастрофы это было. Но молодой виконт отказался, даже из дома сбежал. Ох и скандал был! А уж как наша красавица Даиссия ревела! Это же позор! Вам тогда и четырнадцати еще не исполнилось, а вы так гневались, аж искры летели – так переживали за бедняжку. И при всех поклялись... – Служанка осеклась, кинула быстрый взгляд на меня и прикусила губу, явно жалея, что сболтнула лишнее.

– И в чем же я поклялась? – как можно равнодушнее спросила я.

– Да так, глупости всякие говорили, уж простите, ваше сиятельство.

– Лисси!

– Вы поклялись, что Даиссия всем назло будет счастлива, – невнятно пробормотала Лисси и отвела взгляд.

Эх, Тиррина... На Светлых Небесах твоя сестра наверняка счастлива...

– Я любила старшую сестру, – кивнула я. Не потому, что помнила, а потому, что знала от других, какая она была.

Моя горничная за три года успела многое рассказать о жизни и чувствах Тиррины, а другие графские слуги, кто уцелел и осмелился остаться, подтверждали ее слова. Правда, таких было немного, в основном те, кто служил в городском особняке, а не в загородном поместье, где произошла катастрофа.

– Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам. И вас мы все любили, а особенно ваши батюшка и матушка души в вас не чаяли. Маг-универсал не часто рождается в Риртоне, и говорили, что вы станете лучшей выпускницей школы. И молодой король вам благоволил, всегда вашего батюшку спрашивал о вашем здоровье, граф рассказывал. Вам прочили такую карьеру, какую и знатному мужчине сложно сделать. Гордость семьи! – Лисси вздернула нос, словно речь шла о ней самой.

Мне стало горько. Не за себя, Тамару Коршунову, которая никогда не знала магии, а за Тиррину. Ясно, что ее семья была очень честолюбива. Любили ли они саму девочку или только будущие звезды на ее мантии мага?

Когда я поняла, чье тело заняла моя душа, было жаль, что дар Тирры оказался выжженным после катастрофы. Магия избавила бы меня от опеки Гинбисов, им никто бы не доверил одаренную девочку – ни школа, ни король. И замуж меня нельзя было бы выдавать, пока не исполнится двадцать один – возраст полного раскрытия и контроля мага. Да, жаль, что моя душа землянки до сих пор была невосприимчива к тонким силам этого мира.

– И когда Дэйтар стал графом? – спросила я.

– Так в ту же ночь, как и вы стали графиней, миледи, – тяжело вздохнула горничная. – Говорят, его отец скончался от сердечного приступа в собственной постели и титул перешел к его единственному наследнику. Подумать только, молодому лорду как раз исполнился двадцать один год, вечером отметили совершеннолетие, а наутро такая трагедия...

Удивительное совпадение, и оно мне не нравится.

Так не нравится, что в правый висок снова болезненно кольнуло. «Вьюнок» сегодня озверел.

– Эти смерти как-то связывают? – спросила я.

– Нет, но... – Лисси опять стрельнула глазами в сторону двери. – Я вот думаю, почему молодой граф ни разу не навестил вас за три года? Он же, я слышала, в школе опекал вас, как старший. А уж когда вы из неуклюжего длинноногого цыпленка в девушку стали превращаться, у вас кавалеров полкурса было. Вы сами мне рассказывали. Ой, и озорная вы были, до того как... – Горничная, скользнув по моему разукрашенному лицу взглядом, снова всплакнула. На этот раз у нее в кармашке передника нашелся носовой платочек, и наволочка не пострадала. – Так вот, молодой виконт всех ваших ухажеров гонял и в хвост и в гриву. Он же некромант, да на пять лет старше, да умен и силен не по годам. Его там боялись все, кроме вас.

Бедняжка Тиррина, посочувствовала я бывшей хозяйке моего нового тела. В моей школе учился старший брат моей закадычной подружки, так это был ужас, когда он взял надо мной «шефство». После уроков не провожал, слава мирозданию, но на каждой перемене в класс заглядывал – проверял, жива ли. Ко мне никто из мальчишек-сверстников и подойти не осмеливался. А он относился

ко мне как к болонке своей младшей сестры. Вот тоска-то была. И не думаю, что у Тиррины и Дэйтара были другие отношения: слишком велика разница в возрасте. Это потом она сокращается с каждым годом, а десять и пятнадцать или тринадцать и восемнадцать – это разные эпохи. Дитя и дядя.

– Мы с дедушкой Бером ждали, что он этих Гинбисов на место поставит, – еле слышно прошептала Лисси. – Но граф ни разу не приехал. Хотя я не знаю, приходил ли он к вам в лечебницу.

– Там много кто приходил, Лисси, я всех не запомнила. Особенно в первые дни, когда я очнулась и меня допрашивали королевские дознаватели.

Я не хотела вспоминать те дни, очень уж они были тяжелыми, да и смешалось все в сплошную полосу ужаса, растерянности и боли.

Больница – жуткое место в любом мире. Единственную наследницу графа Барренса лечили не дома, и дело не только в скупости Гинбисов, наложивших лапу на мое состояние. Лечебницы в этом мире всегда строились поблизости от источников силы и были оснащены стационарными магическими капсулами для самых тяжелых случаев. Там даже королей лечили. В особых палатах, конечно.

– Но все это не проясняет, почему «только не граф Ориар», Лисси, – припомнила я ее категоричный тон. – Лисси, почему я должна вытаскивать из тебя правду клещами?

Горничная уже застелила постель, взбила подушки и заботливо откинула угол стеганого одеяла. Меня прошиб неожиданный озноб: может статься, это последняя ночь, которую я проведу в этой постели. За три года я уже привыкла и к особняку, и к моим покоям из четырех комнат – будуара, спальни, гардеробной и уборной. Даже больше личного пространства, чем в папином коттедже, только без центрального отопления и вай-фая.

– Даже черствость Дэйтара Ориара не причина, чтобы мне бояться этого замужества. И разве в королевстве есть закон, по которому девушка не может выйти замуж за несостоявшегося жениха своей сестры? – допытывалась я. – Что я еще не помню, кроме клятвы?

Горничная снова тяжело вздохнула, покосилась на дверь, словно нас могли подслушать за толстенным дубовым препятствием.

- Не велено мне говорить, миледи. Эти стервятники надеются, что вы ничего не знаете. Они же правды никогда не скажут.

- Лисси. Ты не им служишь, а мне.

И горничная решилась.

- После того как молодой Дэйтар отказался жениться на вашей сестре и уехал куда-то за границу, якобы на обучение, от него отстали. Но после смерти его отца за дело взялся сам король, и приказом принудил его жениться на другой знатной девушке, невзирая на траур. Тогда вся столица судачила: виданное ли дело! Но храм благословил. Видать, причина была. Обручились летом, в точности в эти же дни, как вас собираются обручать. Молодая, как полагается, уехала в его родовой замок, а осенью умерла.

Рука у меня дрогнула, и я заехала кисточкой себе в глаз.

- Ох!

- Бедняжка даже не дожидала до консур... консут... Ох, вылетело у меня, каким хитрым словечком последний этап магического бракосочетания называется.

- Консумация?

- Да-да, оно самое! Смотрите-ка, вспомнили! - расплылась в улыбке молодая женщина.

Еще бы знать, чем отличается магическое бракосочетание от обычного! Может, под консумацией подразумевается не только первый секс между супругами?

- И с тех пор каждый год его женят, - вздохнула Лисси. - А бедняжки не доживают до конс... ну, до того, чтобы из нареченной стать настоящей женой. Даже предположить невозможно, какой рок их преследует. Сгубить вас решили эти окаянные Гинбисы! - всхлипнула Лисси. - Ведь если вы умрете от руки мужа,

когда они не несут за вас ответственности, то по завещанию наследство ваше у них останется! Не удивлюсь, если они сами предложили вас королю как невесту.

– Подожди... – Я промокнула глаз, аккуратно нанесла хной точки красной «сыпи». Лисси уже смотреть не могла на то, что я вытворяю с лицом. – То есть три девушки погибли, а этот мерзавец до сих пор не в тюрьме? И король не осудил его за убийства?

Горничная подсела ко мне ближе, взяла щетку для волос, чтобы помочь мне с косой.

– Так это слуги шепчутся, не доказано, что сам граф их убивал, – проговорила она еще тише. – Да и видели люди только закрытые гробы. Тайна, покрытая мраком, что с несчастными произошло, и говорят, даже маги не могут доказать причастность графа либо сам король покрывает преступления своего любимца. Потому все помалкивают.

Холодок ужаса коснулся спины. Я поежилась. Как ни заманчива была возможность выйти из-под опеки Гинбисов, но не такой же ценой!

– А как же отцы его жен? – спросила я. – Они тоже молчат, правды не ищут? Не все же были круглыми сиротами, как я?

– Все, миледи. И только первая его жена была из титулованных дворянок, а две – простые горожанки. Король разрешил Черному Ворону даже мезальянс, лишь бы женить его. Из ровни-то никого не заставишь, дураков нет. И богатства никакие не нужны, жизнь-то дороже. Вот только Гинбисы рады-радешеньки.

– Какой ужас! Спасибо, Лисси. Ни за что не выйду за него!

Вот так возник наш маленький заговор.

Но даже если бы Лисси не рассказала мне кошмарные сплетни о королевском некроманте, мне хватило бы утреннего происшествия, чтобы бежать от алтаря без оглядки.

Наряд привезли утром.

Изысканное платье цвета слоновой кости – кружевное, с атласной подкладкой, – доставили рано утром вместе с диадемой, покрывалом, туфельками, перчатками и шкатулкой с нежным жемчужным комплектом, полагавшимся юной невесте по этикету.

Платье снова примерили, и оно село идеально по фигуре – видимо, не обошлось без магии, иначе такая скорость необъяснима.

А за час, пока меня причесывали служанки, перевивая волосы жемчугами, оно истлело.

Как саван, пролежавший в земле вместе с трупом.

На манекене висели почерневшие, попахивающие затхлостью обрывки кружевной ткани, когда-то составлявшие мой свадебный наряд. Визгу среди служанок было столько, что я едва не оглохла, а моя решимость бежать от жуткого замужества любой ценой окрепла.

Гинбисы, скрипя зубами, отправили гонца к королю, а еще одного посыльного – в ближайшую модную лавку за новым платьем для невесты. Этого часа и общей суматохи нам с Лисси и Бером хватило, чтобы усовершенствовать наш придуманный ночью план бегства.

Увы, глаз с меня не спускали до самого отъезда, и бежать не удалось.

Зато, кажется, удалось спрятаться и сорвать церемонию...

Пока я вспоминала мое вчерашнее унижение и отчаяние, шум на улице усилился – от парадного все домочадцы перебрались в сад.

Я не меньше двух часов просидела в пыльной гардеробной, прислушиваясь к беготне по дому и суете в саду, где сначала ожидали исчезнувшего садовника Бера, потом пытались вытащить из колодца простыню и тюль подручными средствами, а когда не получилось, кто-то сообразил отремонтировать сломанную лестницу и начались поиски молотка и гвоздей.

Домочадцам, в отличие от меня, скучать не приходилось.

Я кое-как расшнуровала и стащила с себя платье и кринолин, переделалась в скромную серую одежду служанки, припрятанную среди ковров. Спрятала свадебную рваную роскошь туда же, в ковер, свернув его рулоном. Не сразу найдут.

Надела старенькие кожаные башмаки на голую ногу – все лучше, чем босиком. Расплела сложную прическу и натянула крестьянский головной убор – что-то среднее между чепчиком и колпаком. Сразу стало еще жарче.

Загримировалась на ощупь: в гардеробной не было зеркала. Надеюсь, вчерашняя тренировка не прошла даром. Теперь «вьюнок» был скрыт за толстым слоем белил, нарисованной сыпи и размазанной по щеке саже. Ватные валики за щеками изменили овал лица – родная мать не узнала бы Тиррину, да еще и одетую в балахон прислуги.

Трижды повторила в уме таблицу неправильных английских глаголов, поизучала жизнь местной фауны – паучков, мух и комаров. Пару раз в открытое окно залетали бабочки и пчелы. И одна настырная оса. Я терпеливо, не смея пошевелиться, сидела, пока насекомое ползало по свеженапудренной щеке.

И вдруг за окном раздались истошные крики и оглушительный визг.

Глава 2

Колодец с начинкой

Любопытство сгубило кошку, гласит мудрая земная поговорка. Мне бы ее помнить, а нет. Я бросилась к окну, но с непривычки к чужой и неудобной обуви споткнулась о рулон ковра, куда в спешке спрятала платье, диадему и прочие драгоценности вместе с помолвочным кольцом.

Я упала и едва не расквасила себе нос. Рулон, ставший из-за моих юбок и кринолина толстым и рыхлым, слегка развернулся, показали белые кружева.

Поправлять не стала, – визг не утихал, любопытство тоже, но я встала за портьеру так, чтобы не слишком было заметно снаружи.

К счастью или нет, комната была угловая и окно выходило в сад. Благоухание лилий, цветущих прямо под ним, пропитывало сложенные в гардеробной вещи не хуже баснословно дорогих духов. Отсюда хорошо был видна вымощенная площадка с каменным колодцем, снабженным колесом с ведром на цепи.

Вот и мою занавеску обнаружили, – ухмыльнулась я, увидев толпу, окружившую колодец.

Странно. Не могут два клочка ткани вызвать таких криков и визгов.

– Ой-ой-ой! Что теперь будет! – причитала наша кухарка.

– А-а-а-а! – визжали баронесса с моей гувернанткой медам Зисдрис.

– А ну, тихо! – гаркнул возвышавшийся над толпой Ирвин. – Отойдите подальше! Бер, вытаскивай и клади ее сюда!

Барон махнул рукой, указывая на любимую клумбу баронессы с королевскими лилиями.

Толпа отхлынула, расступилась, и я увидела старого Бера, с печатью ужаса на лице тащившего из колодца чье-то тело. Женское, судя по очень длинным, темным от влаги волосам, корсажу и облепившей ноги юбке. Тоже очень длинной. Бер, кряхтя, уже вылез из колодца по лестнице и тащил тело на указанную клумбу, а юбка все не кончалась. Голову женщины закрывала моя тюлевая занавеска.

– Не сюда! – заорала баронесса еще громче и показала на мощенную камнем дорожку. – Вон туда!

Бер послушно протащил утопленницу еще метра два, а серебристая юбка тянулась и тянулась из колодца бесконечным шлейфом.

Люди начали пятиться, заподозрив неладное.

И вдруг одновременно произошло две вещи: налетевший порыв ветра откинул занавеску, а юбка вытянулась из колодца змеиным жгутом и шлепнулась наземь с таким звуком, словно грохнулась тяжеленная рыбина.

Первый миг на это никто не обратил внимания – все взгляды сосредоточились на лице утопленницы.

– Светлое Небо, это же дочка конюха Аннель! – ахнула толстушка-кухарка. – Помните, пропала месяц назад? Говорили, что сбегла с бродячим цирком, а она вона, бедная, где!

Для трупа месячной давности лицо девушки казалось на диво свежим.

– Да нет же! – не согласилась моя костлявая гувернантка. – Вы что, не видите, что это леди Тиррина? Она еще вчера обещала утопиться!

Мне было плохо видно из моего укрытия, но зеленоватые светлые волосы, пусть и потемневшие от воды, мало походили на мои. Прежде всего длиной.

– Какая же это Тиррина, медам Зисдрис? – возмутился мой опекун. – Вы что, не видите, какая это красавица? Ни следа от уродливого шрама и форма носа совсем не такая курносая! Где управляющий Рондик? Отправьте кого-нибудь за городской стражей!

– У Тирры такой же прямой аристократический носик, – возразила бледная Лисси.

– Не она это! – оборвал ее садовник Бер. – Чужачка. И недавно утопла, бедняжка, еще распухнуть не успела. Надо у матушки Зим спросить.

Матушка Зим – это наша бывшая ключница, доживающая свой век в персональной комнатухе рядом с кухней, в самом теплом местечке во всем доме. Она всегда жила тут, чуть ли не с момента строительства особняка. Говорили, домишко ее прежних хозяев стоял аккурат на этом месте, облюбованном еще прапрадедом Тиррины, и был куплен вместе со служанкой. И еще говорили, что Зим уже тогда была древней старухой.

Баронесса и ее сынок попытались ее сдать в лечебницу для сумасшедших, когда вселились в графский дом, но у них ничего не вышло. И прогнать не вышло и откупиться. Кем на самом деле была матушка Зим, оставалось только гадать.

Я видела ее лишь раз, когда меня, Тамару Коршунову, оказавшуюся в теле юной графини, привезли сюда после лечебницы. Сгорбленная старуха с клюкой появилась в моей спальне. Я тогда чуть со страху не поседела, если бы волосы пятнадцатилетней Тирры уже не обзавелись сединой после пережитой катастрофы. Она возникла бесшумно, как привидение, склонилась, взгляделась в глаза и проскрипела:

- Вот оно как, получается... Выясни, кто тебя убил, девочка.

- Выясню, - непослушными губами прошептала я.

- И отомсти. За всех отомсти.

- Отомщу.

- Вот и славно.

Она повернулась и, шаркая и постукивая клюкой, ушла. С тех пор Зим не попадалась мне на глаза, а ее комнатка оказывалась пуста в любое время, когда бы я к ней ни заглянула.

Не успели послать мальчишку, как послышался стук клюки: бабка сама пожаловала в сад. Люди перед ней расступились, но матушка Зим близко подходить не стала.

- Уходите все, быстро, - проскрипела она. - Вы что, не видите, что вытащили?

- Утопленницу, - буркнул барон, остальные не посмели подать голос.

- Кабы так! Вы колодезного духа вытащили. Ундины местную убили. Теперь вся вода отравленная будет, пока проклятие кто-нибудь не снимет.

Старик Бер вскинулся:

– Да она уже была того, мертвая. Не шевельнулась даже, пока я эту тяжесть нечеловеческую тянул!

– Зачем тянул-то, дурень, ежели понял, что не человека тащишь?! – Матушка Зим сердилась не на шутку.

– А что мне, дохлятину в колодце оставлять?

Утопленница не согласилась с оскорбительным словом и трепыхнулась. Поднялась на локтях, и я увидела ее лицо. Очень похожее на то, какое я видела в зеркале в первые дни после того, как очнулась в этом мире, но без ожогов. Вместо ожогов на красивом лице существа, на обнаженных руках и плечах проступала серебристая чешуя. По всему телу ундины пробежали какие-то голубые узоры, словно письма, после чего чешуя чернела и отваливалась. Красавица за одну минуту превратилась в страшилище с вылезшими изо рта клыками и выпученными, превратившимися в бельма глазами. Завоняло тухлой рыбой.

Люди, замороженные зрелищем, оцепенели. Я даже дыхание затаила и вцепилась в гардину покрепче. Да и матушка Зим словно онемела.

Мертвая ундина снова дернулась, да так мощно, что сшибла хвостом и Бера, и барона. А последнего еще и хвостом огрела по голове, и тот уже не трепыхался, в отличие от Бера, шустро, хотя и на четвереньках, покидавшего клумбу с королевскими лилиями.

Народ отмер и с визгом и криками бросился врассыпную, но еще один удар длинным хвостом сбил с ног половину из них. А потом... Я глазам не поверила, когда хвост разделился, превратившись в зазубренные щупальца, и они обвили ноги визжавшей баронессы и гувернантки и дернули к мертвой ундине! Хотя какая уж тут мертвая?

Подтянув верещавших дам к себе, ундина-упыриха схватила их за униженные перстнями руки и, склонив морду с оскаленной пастью, обнюхала их пальцы, словно решала, которая из жертв вкуснее. Первой кошмара не выдержала гувернантка – сомлела и осела наземь как куль с мукой. А ее испуганная хозяйка

удвоила и громкость голоса, и рывки. Бесплезно.

– А ну отпусти их, тварь проклятая! – гаркнула матушка Зим с крыльца и так треснула палкой по ступеньке, что показалось – искры посыпались. Не показалось: слегка запахло дымом, а старуха ругнулась: – Ах ты ж, совсем сноровку потеряла! Бер, поди-ка сюды, да притащи воды, еще пожара нам тут не хватало!

А ундина-упыриха, бросив гувернантку, длинным черным языком лизнула безымянный палец на правой руке баронессы – тот самый, на котором носят невесты помолвочное кольцо (а жены в этом мире надевают после брачной ночи парное к нему на средний палец, вдовам же положено лишь железное кольцо на указательном пальце левой руки). Затем чудовище повело носом в воздухе и вдруг, отшвырнув баронессу, заверещало еще истошнее, громче и противнее, чем даже баронесса, но не на одной ноте, а с какими-то переливами и свистами, словно бешеный дельфин.

– Бегите! – вклинился в паузу вопль матушки Зим. – Это зов! Бегите же!

Бежать никто не мог. Нестерпимый визг ундины словно высверливал дырки в черепе и выпивал мозг. Господи, так, наверное, верещат баньши. Колени ослабели, и я не упала только потому, что когда-то успела обмотаться гардиной и повисла на ней. А люди ничком, зажав уши, валились наземь.

Бер, тащивший ведро с водой, тоже споткнулся и осел наземь. Ведро покатилося, расплескивая воду, превращавшуюся на земле в густую и черную, как нефть, жидкость. Матушка Зим возвысила голос, стараясь перекрыть зов мертвой ундины, и читала заклинание, впрочем, настолько невнятно, что я ни слова не понимала, но запах гари уменьшился.

– Да хоть бы поскорей заткнулась эта дохлая рыба-переросток! – взмолилась я.

И Небо услышало мою молитву. Увы, не Светлое, а Темное Небо.

Ундина заткнулась, и эта внезапная тишина показалась оглушительной и зловещей.

Черные нефтяные пятна на земле сами собой сложились в пентаграмму. Она полыхнула мерзким болотным огнем, и появился... Я, конечно, первый раз в жизни видела демона, но уже столько фильмов насмотрелась в родном мире, что ни с кем его не перепутаю. Натуральный демон. Жуткий, высоченный и до чертиков харизматичный.

Огромное чешуйчатое существо с хвостом, рогами и мерзкой клыкастой и бородавчатой мордой – это не про него. Этот был вполне симпатичен... со спины. Если и с хвостом, то его не видно под длинной хламидой с разрезом на мускулистой спине и полураспахнутыми сизыми крыльями, почему-то светившимися голубоватым светом. Никак у него в перьях неоновая подсветка спрятана?

Демон повернул голову вправо, влево. Жаль, морды не вижу.

Профиль тоже хорош. Горбоносый, скуластый, с завитым за ухом рогом. Интересно, он их сбрасывает по осени, как олени? Если сбрасывает, то из таких рогов роскошных два кубка получится. А приручить, так можно сервиз на двенадцать персон за шесть лет собрать... И какого такого сизокрылого демона мой мозг опять ушел в отпуск? Разве опасность миновала? Или приметы перестали работать?

Демон нетерпеливо рыкнул, совсем как папина сторожевая, а мертвая ундина что-то свистнула по-дельфиньи и, вытянув подгнившую перепончатую конечность, показала прямо на мое окно.

Боже, боже!

Я едва успела шарахнуться в сторону, прежде чем призванный рогач оглянулся.

Многострадальная и, как оказалось, ветхая гардина затрещала, петли, на которых она была подвешена, оборвались, и я, замотанная в ткань, рухнула мешком. Все, что успела, – повернуть голову набок и, выдернув локоть, прикрыть лицо.

Удар был мягким, повалилась я на свернутые и сложенные в углу ковровые дорожки. Но нога в щиколотке подвернулась, и я едва не взвыла от резкой боли. Из глаз брызнули слезы, я зажмурилась. Это и спасло от алой лазерной вспышки потустороннего света – я ее даже сквозь закрытые веки ощутила.

Вместе со вспышкой в комнату через окно ворвался демон. Так людей и без зрения оставить можно!

Его расплывчатый из-за моих слез силуэт я опознала по крыльям и хламиде. В фильмах такие существа обычно боялись света, а этот... Или я с вампирами перепутала? Интересно, как он с таким орлиным размахом крыльев и плеч в узкое окно пролез и не застрял?

Демон огляделся – о, а он и на морду породистую хорош, не только фигурой! – и чихнул. От души чихнул, до слез, брызнувших из черных глаз. Крыльями меньше махать надо! Поднятая его вторжением пыль кружилась в воздухе.

Рогач втянул носом воздух. Зря он это сделал.

– А-апчи-у! – раздалось с подвыванием.

Я подавила рефлекторное «будь здоров». Он и так здоровущий, под два метра.

Но этот глупец повторил попытку принюхаться. Разумеется, с тем же результатом.

– Пчи! – чихнул еще раз горбоносый обладатель неземной синей кожи, длинных иссиня-черных волос индейца и мощных рогов, закрученных, как у архара.

Зачем демонам горнокозлиные рога? – опять отвлекся мой шокированный мозг. Какая у них эволюционная функция? От волков защищаться или биться за самок? Или рога что-то вроде антенн? Радаров?

Словно услышав мои мысли, демон резко повернулся в мою сторону. Я затаила дыхание, прикинувшись ветошью. Ткань удачно закрывала мне лицо, оставив лишь небольшую щель для обзора. Но вот локоть наверняка высунулся. Правда, в углу среди ковровых дорожек...

Отвернулся. Спасибо, Небо!

Его взгляд остановился на торчащих из ковра кружевах. Он шагнул...

И тут шевельнулся «вьюнок» на виске, впившись в кожу так, что я зашипела. Демон мгновенно оглянулся.

Мышка это прошуршала. Мышка! Понятно? Серая. Тощая. С голым хвостиком. Уже убежала, нет ее.

Демон принялся, чихнул и направился к коври с завернутым в него платьем.

И тут как по сигналу за окном рвануло – ослепительный разряд голубой молнии озарил мир. А через несколько мгновений хор голосов закричал невнятно, но с немалым оживлением:

– Вашество! Вашсияство! Сюда! Там!

И еще одна яркая вспышка. И чей-то мучительный, смертный вопль. Что там происходит?

– Хрр! – Лицо демона перекосила гримаса ненависти, он дернулся было к окну, но передумал, метнулся к коври, сгреб объемный и тяжеленный рулон, как пушинку, закинул на плечо, не обращая внимания на посыпавшиеся из ковра драгоценности.

Прочертив в воздухе большой двухметровый овал выстрелившим из когтистого пальца лазерным лучом, синекожий житель Нижнего мира ступил в портал и исчез.

Запахло поджаренной горячей пылью.

Я не полезла к окну узнавать, кто балуется в саду громами и молниями. Мне хватило потрясений. Прихрамывая, я заторопилась к двери. Оттолкнула жалобно звякнувшую диадему и бриллиантовое обручальное кольцо, подавила порыв прихватить пару жемчужин из порванного колье – если найдут у служанки драгоценности, никакая маскировка не поможет.

За дверь я выскочила как раз в тот момент, когда кто-то, яростно ругаясь до невозможности неприличными словами, бежал к окну.

Я захлопнула дверь и даже ключ за секунду вставила и повернула. Со страху, не иначе. И побежала вглубь дома, но тут же споткнулась о валявшуюся на полу подставку для зонтов, отлетела в угол и растянулась, хорошенько приложившись лбом о стену. Не рой другому яму...

- Ох, деточка! - услышала я сквозь гул в ушах участливый голос матушки Зим. Лба коснулись ее пальцы, сухие и жесткие, как веточки. - Ушиблась?

От ее прикосновения боль прошла удивительно быстро. Старушка, придерживая меня за плечи, помогла приподняться и опереться о стену, поправила на мне съехавший на затылок помятый чепец. И вовремя: из сада в дом вбежали перепуганные слуги, за ними, поддерживая друг друга, ввалились баронесса с гувернанткой. Выглядели они ужасно, словно их пожевала и выплюнула дохлая ундина - мятые, бледно-зеленые, растрепанные. В самый раз в храм на церемонию обручения.

А потом на пороге появился опекун с красным помятым лицом и огромной шишкой на лбу. Красавчик. Моя спасительница выпрямилась и встала так, что ее юбки совсем меня загородили.

- Где он? - рявкнул Ирвин. Надо отдать ему должное, он старался держать в руках и себя, и слуг.

Дверь в гардеробную распахнулась, словно и не была заперта, но обзор загораживала матушка Зим, и я услышала лишь незнакомый голос. Красивый голос - низкий, глубокий, как бархатная ночь, и весьма насмешливый:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/ar-yar_irmata/tirra-nevesta-na-udachu-ili-popadanka-protiv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)